

Экспертиза как форма развития науки: фундаментальное vs прикладное*

Б. И. Пружинин^{1,2}, В. А. Ветров^{1,3}

¹ Институт логики, когнитологии и развития личности,
Российская Федерация, 129110, Москва, пр. Мира, 70А

² Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1

³ Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., 26

Для цитирования: Пружинин Б. И., Ветров В. А. Экспертиза как форма развития науки: фундаментальное vs прикладное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 534–546. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.408>

В статье рассматриваются эпистемологические функции экспертизы в современной науке и обосновывается тезис о том, что возникновение экспертного знания связано с трансформациями науки (ее технизацией, цифровизацией и прикладнизацией) и антропологическим кризисом XX–XXI веков. Авторы полагают, что благодаря экспертным оценкам эксплицируются целевые установки, присутствующие в конкретных научных исследовательских программах — как собственно познавательные, так и ориентированные прежде всего на решение различного рода социально значимых практических задач. Тем самым экспертиза фактически открывает возможности для прояснения наиболее эффективного соотношения фундаментальных и прикладных исследовательских установок в конкретной познавательной деятельности. Авторы демонстрируют, что экспертная деятельность позволяет ученым осознанно (с апелляциями к смысловому содержанию конкретных исследовательских проектов) и тем самым более адекватно (с учетом прикладных проблем) оценивать эпистемологическую перспективность тех или иных направлений исследования и способствовать расширению сферы научного знания, развитию науки как культурно-исторического феномена. Для конкретизации рассуждений авторы сосредотачивают внимание на том, каким образом происходит реализация когнитивных функций экспертизы в науке, и апеллируют к юридическому прецеденту (процесс «Касс против Касс»), ставшему одним из образцов разрешения спорных ситуаций в области биомедицинских исследований объектов с неустойчивым предметным, этическим и правовым статусом (криоконсервированных эмбрионов). Особое внимание уделяется фундаментальным прогностическим функциям экспертного знания, обладающего достоинством, т. е. учитывающего социально-политические и экзистенциально-гуманитарные ограничения, с одной стороны, и способствующего расширению научного горизонта — с другой.

Ключевые слова: экспертиза, экспертная оценка, наука, прикладные исследования, фундаментальные исследования, биоэтика, биомедицинская экспертиза.

* Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различия фундаментальных и прикладных установок в науке».

Два уровня экспертизы

Вспомним диалог из хорошо известного отечественного фильма «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»:

«Нашел! — воскликнул Ш. Холмс. — Вот формула реактива, который осаждается гемоглобином и ничем другим». «Вы понимаете всю важность моего открытия?» — спрашивает он доктора Ватсона. «Да, — отвечает Ватсон, — как эксперимент это интересно. Но какое практическое применение?» Ответ Ватсона обескураживает Холмса: «Господи! — восклицает он. — Именно практическое! Вы просто не понимаете, какие возможности это открывает перед судебной медициной! Всего одна капелька крови! Видите, вода кажется абсолютно прозрачной, соотношение — один к миллиону. Теперь представьте, что на одежде подозреваемого находят маленькое бурое пятнышко. Что это? Кровь? Ржавчина? Фруктовый сок? Краска? Ни один эксперт не берется определить! А с помощью моего реактива это можно сделать за одну минуту».

Мы привели здесь этот диалог, чтобы акцентировать проблемный ракурс, которому посвящена наша статья: экспертиза всегда нацелена на конкретный практический результат, она неразрывно связана с прикладным исследованием, но одновременно является формой развития фундаментальной науки. Диалог Шерлока Холмса и доктора Ватсона это отчетливо демонстрирует. Причем Холмс соединяет в себе функции и детектива-эксперта, выявляющего происхождение конкретного бурого пятнышка и обращающегося к фундаментальной науке (химии) за доказательным подтверждением гипотезы, и химика-экспериментатора, ищущего конкретный реактив и продвигающего тем самым научное знание.

Фактически мы выделили два уровня экспертизы в их взаимодействии: прикладной — выявляющий практическое значение исследуемого сегмента реальности науки (технологии, проекта, диагностики, метода и т. д.), и фундаментальный — открывающий перспективу использования полученного практического результата для расширения знания о мире. Причем в каждой конкретной экспертизе соотношение этих двух уровней всегда зависит от того, на какую реальность она направлена. Прикладной уровень ориентирован социальным запросом, а фундаментальный — внутренними потребностями развития научного знания о мире и человеке.

Более того, именно взаимодействие (взаимодополнительность) обоих уровней экспертизы позволяет выявить и довести до сознания работающего ученого, каким образом взаимодействие фундаментальных и прикладных установок в самой науке стимулирует ее динамику. Экспертиза соединяет в себе, в своей социогуманитарной ориентации и ситуативно обусловленный прагматический интерес, и собственно когнитивную составляющую, предполагающую имманентную динамику научного познания как культурно-исторического феномена. Несмотря на свою социогуманитарную заданность, она несет в себе и эпистемологический импульс (пусть даже связанный лишь с тем обстоятельством, что ученый — реальный человек со своими когнитивными и исторически определенными познавательными способностями). Она опирается одновременно и на прикладные установки (под конкретную «узкую» заявку на экспертизу), и на фундаментальные (под реальные возможности расширения сферы знания, привлеченного для экспертного анализа конкретной ситуации). Экспертиза — это эксперимент (мысленный или реальный),

благодаря которому оцениваемая конкретная ситуация вписывается в перспективу ее развертывания, т. е. открываются потенции этой ситуации в соотношении с целями действия (или бездействия), содержащиеся в социогуманитарном запросе. И одновременно это стимул для развития фундаментального знания о мире.

Наука как предмет экспертизы

Поскольку запрос, предполагающий экспертизу, всегда носит практический, «заинтересованный» характер, он зачастую ограничивает роль ее собственно эпистемологической составляющей, а это, очевидно, не может не сказаться на ее результатах и заключениях. Последствия такого рода сужения научного базиса экспертизы под социально ориентированные запросы приобретает, на наш взгляд, особое значение, когда предметом экспертизы становится сама наука.

Оценивая особенности участия науки и ее достижений в жизни современного общества, следует иметь в виду, что и сама наука (ее статус и социокультурные роли) не раз довольно сильно менялась на протяжении истории. Весьма радикально наука изменилась во второй половине XX в. и продолжает меняться буквально на наших глазах. Ее технический инструментарий сопоставим сегодня с наиболее развитыми областями современного промышленного производства, а в организационном плане она представляет собой гигантскую социальную по своей сути институцию, плотно вплетенную в социально-экономическую систему общества. Не случайно в нынешнем дискурсе часто используется выражение «наука как сфера производства знания», что вполне применимо к формам организации исследований в рамках мегасайенс. Ее функционирование сегодня требует от общества гигантских затрат, и, соответственно, на передний план мотивации научного познания выходит ее ориентация на решение прикладных, вполне практических задач. Так что в современной науке прикладные исследования со всеми их особенностями, в том числе эпистемологическими, приобретают особую актуальность. А исследования, ориентированные на приращение знания (вне непосредственно практических запросов социума), как бы уступают в своей значимости. И это последнее обстоятельство, очевидно, не могло не отразиться также и на особенностях экспертной деятельности.

Интенсивному обсуждению релевантной тематики способствуют элементы антропологического риска, привносимые в жизнь современного общества вместе с успехами науки и опирающимися на нее технологиями. Масштабность и серьезность этих рисков акцентирует социогуманитарную значимость экспертных оценок (см.: [1–6]), но одновременно в силу отмеченных выше обстоятельств проблематизирует их объективность. Последняя тема отчасти будет затронута и в предлагаемой статье (один из авторов уже имел возможность высказать на этот счет свое мнение [7, с. 393]). Однако содержательный вектор данной статьи иной: важно понять, при каких условиях экспертиза во все большей степени становится имманентным фактором развития самой науки, способом самооценки перспектив ее динамики, способом оценки значимости — эпистемологической и социально-практической — полученных наукой результатов.

Как известно, оценка результатов научных исследований по их соответствию стандартам научности (так называемый критицизм научного мышления) является обязательной процедурой (так или иначе связанной с требованием воспроизводи-

мости знания в рамках коллективной познавательной деятельности — каковой, собственно, и является наука). Но особенностью именно экспертных оценок научной деятельности является присутствие в них (помимо соотнесения с принятыми научным сообществом стандартами научности) более или менее явного указания на перспективы дальнейшего использования результатов познания, т. е. экспликации целей исследования данного фрагмента реальности в контексте содержательного запроса на экспертизу. Такого рода цели (от личных экзистенциальных установок до вполне прагматических интересов) всегда присутствуют в человеческой деятельности, и сфера научно-познавательной деятельности не является исключением. Но в данном случае для нас важно, что экспертиза представляет перспективы использования результатов познания как бы в двух направлениях — с одной стороны, для расширения (роста) научного знания, а с другой — для эффективного использования полученного знания в области изначально заданных в экспертном запросе практических приложений. Речь, таким образом, идет о проявляющейся в ходе экспертизы двойственности научных исследований как социокультурного феномена — с одной стороны, практическая эффективность получаемого научного знания, а с другой — его культурно-историческая ценность как знания о мире. Однако реальное переплетение этих измерений научного познания носит далеко не простой характер и, в частности, в силу этого как раз и предполагает экспертизу.

Так, если в центре внимания запроса на экспертизу находятся риски, связанные с достижениями науки, то следует учитывать, что «наука парадоксальным образом занимает тройное положение — она является одним из главных производителей рисков, практически единственным разработчиком достоверных методов их оценки, а также вырабатывает механизмы предупреждения нежелательных последствий или борьбы с ними — тогда, когда они уже имеют место» [8, с. 51]. И именно здесь экспертиза, поскольку она включает в себя рефлексию над наукой как сложным культурно-историческим феноменом, способна внести некоторую ясность в вопрос о возможных перспективах участия науки в жизни общества и даже способна обосновать необходимость учитывать ее рекомендации. Однако при этом экспертиза, реализуя свои экспликационные (рефлексивные) функции по отношению к науке, опирается на присутствующие в ней самой, в ее собственных основаниях указанные измерения научной деятельности ориентации научного познания и на фундаментальные, и на прикладные цели. Реализация этих функций, собственно, и делает экспертизу необходимой для оценки перспектив научной деятельности.

Применительно к науке экспертиза фактически осуществляет экспериментальное исследование феномена научного исследования и его результатов с прогностической точки зрения, с точки зрения его перспектив, заданных культурно-исторической реальностью, в которой творит ученый. Тем самым она вносит в его исследовательскую работу элемент понимания ученым ее целей как призвания, а не только как профессии.

Специфика экспертизы в биомедицине

Чтобы пояснить сказанное выше, обратимся к реальности экспертных практик в одной из самых дискуссионных областей науки — к исследованиям в биомедицине. По понятным причинам здесь в центре внимания экспертов оказывается

соблюдение этических и правовых норм, регулирующих научное исследование, так что сама экспертиза предстает одной из важнейших составляющих социального контроля деятельности ученых. Соответственно, превалирующие ныне трактовки экспертных практик в области биомедицинских исследований (фармакологии, психиатрии, репродуктивных технологий и т. д.) акцентируют прежде всего их социально-гуманитарную направленность. Еще в 1964 г. Хельсинская декларация Всемирной медицинской ассамблеи постулировала требование независимой этической экспертизы научных исследовательских программ в их соотношении с интересами отдельных людей, статус и здоровье которых так или иначе затрагивают эти программы. Однако, подчеркнем, затрагивают именно «так или иначе».

Дело в том, что специфика этической биомедицинской экспертизы в значительной мере задается областью конфликтов, возникающих в сфере лечебного (собственно медицинского) приложения биомедицинских знаний и лишь опосредованно проецируется на столкновение интересов отдельного пациента/испытуемого и науки, которая создает эти знания. Конечно, биомедицинские исследования в той или иной мере предполагают эксперименты над человеком и, естественно, учитывают общегуманитарные, в том числе этические и правовые, ограничения. Но не эти исследования сами по себе порождают ситуации, требующие специальной экспертизы. Коллизии, предполагающие экспертные оценки, возникают сегодня главным образом вокруг рекомендаций и диагнозов, которые дает пациенту врач, опирающийся на соответствующие результаты научных исследований (тем более если речь идет о его действиях и их последствиях для пациента). И экспертиза в данном случае может быть осуществлена по заказу одной из сторон (будь то сам врач, пациент или любой представитель их интересов). При этом влияние заказчика на этическую и правовую экспертизу будет сказываться на анализе научного инструментария, используемого для оценки конфликтной ситуации, и, соответственно, на содержании экспертного заключения. Именно в этом ракурсе оценивается этический и правовой статус привлекаемых исследовательских технологий и постулируется этическая и правовая допустимость технологий, используемых в лечении. Это болезненно важно в социальном измерении, но при такой трактовке биомедицинской экспертизы не должен ускользать из поля внимания эпистемологический анализ ее научных оснований, позволяющий вникать в самую суть биомедицинских технологий.

Между тем экспертиза ситуаций, возникающих в результате появления новых биомедицинских технологий, может порождать совершенно новые неожиданные вопросы, напрямую не связанные ни с биомедициной практикой, ни с этикой, но способные весьма и весьма существенно повлиять на эти практики. Образование таких проблемных полей требует исследований биомедицинских технологий на фундаментальном уровне, способствуя приращению фундаментального знания о мире. И в экспертных исследовательских программах есть элемент собственно познавательной установки, выводящий их за заданные рамки всегда конкретного социального запроса. Эта установка позволяет рассматривать и оценивать любую конкретную экспертизу также и как научный эксперимент, стандарты которого требуют учета полученных в опыте объективных результатов.

Мы в данном случае делаем акцент на том, что экспертиза, в которой превалирует социопрактический (или даже прагматический) запрос, тем не менее отнюдь

не исключает из сферы своего внимания (а стало быть, и стимулирующего воздействия) также и фундаментальное научное исследование рассматриваемой ситуации. Непосредственный социопрактический запрос реализуется в ее содержании через прикладную составляющую экспертного анализа (фактически ограничивающую тем самым круг конкретно оцениваемых факторов). Однако полноценная экспертиза обязательно опирается в своем анализе факторов, определяющих перспективу развертывания реальных ситуаций, на весь массив наличного научного знания в его полноте, и здесь эпистемологический импульс, идущий от фундаментальной составляющей экспертизы (от ее установок, требующих опоры на весь потенциал когнитивных возможностей познания), позволяет ей объективно выполнять свои оценивающие функции, в том числе и применительно к феномену биомедицинской науки.

Процесс «Касс против Касс»

Ярким примером этому является юриспруденция, а именно процесс «Касс против Касс» (*Kass v. Kass*) [9, с. 101], развернувшийся в США в 1998 г. Молодая семья Морин и Стивен Касс вынуждена была обратиться к врачам для проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения после неудачных попыток зачать ребенка естественным путем. К сожалению, многократное ЭКО оказалось в этом случае безрезультатным. После проведения последней попытки супруги приняли решение провести криоконсервацию дополнительных эмбрионов.

При этом мужем и женой было подписано информированное согласие, в соответствии с которым при разводе имущественные отношения, касающиеся эмбрионов, будут регулироваться по соглашению о разделе имущества. В том случае, если какое-либо решение на этот счет будет отсутствовать, эмбрионы должны быть пожертвованы на проведение научных исследований. В результате неудач всех попыток ЭКО пара подала на развод.

После развода (при котором было подписано соглашение, состоящее из четырех форм с подробным описанием всех последствий, согласно которому жена и муж обязывались не предъявлять друг к другу претензий насчет распоряжения эмбрионами) жена, вопреки положению, подала требование о передаче ей права на распоряжение эмбрионами для возможного впоследствии оплодотворения. Бывший супруг подал встречный иск о передаче криоконсервированных эмбрионов на научные исследования [9, с. 102].

Интересен ход судебного разбирательства. 16 мая 1994 г. было вынесено решение о разводе, согласно которому судьба эмбрионов должна была определяться совместным разбирательством. При этом 18 января того же года Верховный суд Нью-Йорка удовлетворил просьбу Морин Касс. Но Апелляционная коллегия 7 мая 1998 г., указав, что первичное решение суда допускало фундаментальную ошибку, отождествив право беременной женщины осуществлять контроль в отношении плода с правом женщины распоряжаться эмбрионами вне тела.

«Апелляционный суд Нью-Йорка сформулировал ряд нормативных выводов:

1. Соглашения между донорами половых клеток относительно их судьбы должны считаться действительными и применяться в любом споре между ними.
2. Суд должен стремиться к соблюдению выраженной воли сторон до возник-

шего спора. Репродуктивные решения носят личный характер, и суд не может вне воли сторон формулировать собственную позицию.

3. Предварительные соглашения обладали бы сомнительной силой, если их значение зависело бы от подтверждения в будущем.

4. Совместное соглашение указывает на достижение общей воли, которая не должна пересматриваться иными субъектами, даже судом.

5. Суд не может заставить человека стать родителем против его воли.

6. Эмбрион не признается лицом в конституционных целях, они не имеют право на «особое уважение».

7. Распоряжение эмбрионом не подразумевает реализацию права женщины на неприкосновенность частной жизни или права на телесную неприкосновенность» [10, с. 89].

Столь подробное описание данного примера приведено нами потому, что он ясно указывает на принципиальную неопределенность биологического, а в интересующем нас ракурсе — онтологического статуса эмбриона. И именно это обстоятельство является предпосылкой возникших проблем. В результате описанное разбирательство и судебная экспертиза породили ряд дискуссий по статусу эмбриона. В итоге было выработано крайне важное разделение: 1) эмбрион *in vitro*, до момента вживления в организм матери и 2) эмбрион с момента начала развития в материнском организме. В Российской Федерации человеческий эмбрион не является субъектом права согласно ст. 17 ч. 2 Конституции РФ: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Но это не отменяет периодических споров относительно пересмотра данной формулировки и придания эмбриону особого правового статуса, что, в свою очередь, предполагает разработку релевантной собственно научной исследовательской тематики, касающейся природы эмбриона.

Приведенный пример показывает, каким образом экспертиза стимулирует развитие научного знания. В данном случае правовая биомедицинская экспертиза предполагает дополнительные исследования в области юриспруденции — разработку более точных определений имущественных и договорных отношений, выделяя при этом и эмбриологию как особое правовое поле. Проводившая описанное выше разбирательство судья заявила позднее: «Представленные сегодня кажущиеся простые решения часто могут обусловить глубокие социальные последствия, которые лежат за пределами конкретного дела» [11]. Что опять-таки предполагает экспертизу и связанные с ней научные исследования. А мы, со своей стороны, считаем необходимым подчеркнуть: дело и в данном случае не ограничивается расширением исследовательского поля юридической науки, произошедшим благодаря экспертизе. Развитие биомедицинских технологий и их оценка могут приводить к нормативным выводам в самых неожиданных областях научных исследований.

Эпистемологический потенциал экспертизы

Мы привели весьма «жесткий» пример влияния экспертизы в области биомедицины на развитие прикладного исследования (в данном случае юридического), сопровождающего фундаментальный анализ феномена эмбриона и вырабатываю-

щего конкретные, ситуативные нормы и запреты, которые затем могут распространяться и на другие сферы знания. Как правило, биоэтика фиксирует именно этот — первый — уровень влияния экспертизы на развитие научного знания.

Между тем этот пример открывает нам и еще один, так сказать, более глубокий уровень влияния экспертизы на развитие фундаментальной науки. Конечно же, неоднозначность экспертных заключений по социальным ситуациям в биомедицине требует, помимо всего прочего, также уточнения наших знаний об эмбрионе, т.е. фундаментального научного исследования его биологических (онтологических) характеристик. Социально-правовая экспертиза конкретных ситуаций, так или иначе связанных с определением онтологического статуса эмбриона, заставляет ученых, с одной стороны, соблюдать социально-гуманитарные требования к познанию эмбриона, а с другой — искать «обходные» пути познания этого феномена как некоторой, пусть и специфической, предметности. Применительно к медицине такого рода ситуации не новы, вспомним хотя бы, как врачи и ученые проводили эксперименты на себе (совмещая функции врача и эксперта и фиксируя в «дневнике врача» любые телесные изменения, способствующие накоплению знаний). Они рисковали своей жизнью ради того, чтобы расширить фундаментальное биомедицинское знание о человеке. Так поступал Н. И. Пирогов, испытывая на себе наркоз, А. А. Богданов, переживая себе кровь, и многие другие отечественные и зарубежные исследователи.

В биомедицине конфликт между прикладным и фундаментальными уровнями экспертизы проявляется особенно остро (потому мы и привели пример именно из этой области). Но такого рода ситуации, часто без внятно провозглашенных социогуманитарных ограничений, постоянно возникают при экспертизе самых различных научных исследований в контексте их практической жизненной значимости. Положительный эпистемологический потенциал направленной на науку экспертизы заключается, таким образом, в ее имманентной способности нащупывать баланс между прикладными и фундаментальными измерениями научно-познавательной деятельности и вносить стремление к этому балансу в самосознание работающих ученых. Но при этом ориентированная на объективность установка экспертизы должна в достаточной мере поддерживать баланс внутри нее самой, уравновешивая очевидную социологизацию присутствующего в экспертном заключении и реализуемого через прикладное знание запроса.

Достоинство экспертного знания как знания научного

Значительное расширение сфер жизнедеятельности современного человечества, в оценку которых сегодня интенсивно включается экспертиза, зачастую деформирует характер самой экспертизы: нарастает ее зависимость от произвольных общественных запросов, в результате чего она теряет объективность и превращается в вариант оправдания субъективного интереса, стоящего за запросом¹. В этом

¹ И в этом плане весьма показательна недавняя законодательная инициатива Министерства науки и высшего образования, требующая, с одной стороны, ограничить и контролировать запросы (интересы) заказчика, а с другой — предполагающая централизацию и упорядочивание апелляций экспертных практик к структурам фундаментальной науки. В законодательстве предполагается уточнить понятие «научная экспертиза» и внести в Статью 2 закона «О науке и государственной научно-технической политике» следующее дополнение: «Научная (научно-техническая) экспертиза — деятельность, требующая специальных знаний, которая направлена на изучение поставлен-

контексте особую остроту приобретает вопрос о формах и способах ее обращения к фундаментальному знанию. В современной науке фундаментальное знание выступает как основа прикладных исследований, и в этой своей функции оно разворачивает имманентные (т. е. не напрямую заданные прикладным запросом) возможности для приложений. Внутри экспертизы такого рода взаимодействие (и баланс) фундаментальных и прикладных (заданных социальным запросом) исследований приобретает своеобразную форму. Контекстуальной средой, внутри которой эксперт апеллирует к фундаментальной науке, выступает конкретная ситуация, в которой привлечение фундаментального знания и его возможная разработка призваны расширить спектр ее (конкретной ситуации) развертывания. Иными словами, обращение эксперта к научным основаниям своих оценок, стимулирующее развитие фундаментальных исследований, осуществляется как экспериментирующее осмысление оцениваемой конкретной ситуации и фиксируется в виде конкретного экспертного знания о данной ситуации.

Коль скоро экспертиза становится важной составляющей современных научных исследований, призванной стимулировать динамику и рост научного знания, эксперт обращает особое внимание на специфику эпистемологических оснований экспертизы, на их принципиальную двухуровневость. Еще раз подчеркнем, что экспертиза как форма рефлексивного осознания науки способна вводить четкое различие прикладных и фундаментальных научных установок, а ее цель — искать их баланс, оптимальный для развития науки. Актуализация этой цели и есть, на наш взгляд, основной критерий корректности экспертизы. Экспертиза, нацеленная на объективность, позволяет оценить эпистемологическую перспективность полученного в науке знания и тем самым преодолевать узость прикладных интересов, ограничивающих поле исследований конкретной ситуации. Это особенно актуально/релевантно, когда экспертная практика связана с оценкой социогуманитарных и технологических рисков.

В приведенном выше случае глубинным источником, порождающим потребность в социогуманитарной экспертизе, является, очевидно, онтологическая неопределенность самого феномена эмбриона. Именно она порождает конфликт интересов, требующих юридической экспертной оценки. Отмеченная правовая коллизия прямо и конкретно указывает на то, что объект экспертизы имеет «плавающую» идентичность. Кроме того, эта коллизия выводит нас к экспертному знанию, позволяющему юридически четко и конкретно фиксировать вполне объективную, требующую специального научного исследования тему различения «*ин витро*» и беременности в конкретной трактовке статуса эмбриона. Здесь фиксируется общая фундаментальная научная констатация, выражающая проблему различения живого и неживого, человеческого и природного в контексте экспертного знания о конкретной ситуации.

Таким образом, при сознательной ориентации внутринаучной экспертизы на фундаментальное для науки требование развития (приращения) знания речь идет

ных заказчиком вопросов в области науки и техники и подготовку заключения с целью принятия научно обоснованных решений». Таким образом, Документом предлагается установить критерии и механизмы проведения научной экспертизы с тем, чтобы существенно ограничить заказчиков, финансирующих и использующих результаты научной и научно-технической деятельности в своих интересах. Подробнее см: [12].

об экспертной оценке (именно оценке) значимости полученного экспертом знания, об эпистемологической перспективности его включения в систему знания наличного. Эксперт эксплицирует, какие эпистемологические перспективы способно открыть вновь приобретенное знание в наших представлениях мире. Причем осуществляется эта экспликация в контексте анализа конкретной ситуации, предполагающей социокультурную оценку перспектив ее разрешения. И благодаря тому, что экспертная оценка акцентирует смыслы-цели, в контексте которых знание функционирует в социально-гуманитарной среде, экспертное знание раскрывает конкретный спектр различных возможностей развертывания ситуации и соответствующих направлений их исследования.

Эксперт фактически вводит фундаментальное знание о мире, так или иначе соотносимое с целью экспертизы, в контекст прикладного знания, на которое опирается экспертная оценка перспектив развертывания данной конкретной ситуации, а в результате мы получаем экспертное знание, представленное в виде конкретного знания о данной ситуации. Эксперт, оценивающий социогуманитарные перспективы данного научного направления, вводит фундаментальное знание в конкретный контекст как фундамент приложения для решения конкретной задачи, и в этом качестве оценивая его практическую эффективность, оценивает перспективы его дальнейшего развития. Экспертное знание всегда конкретно, и именно в этой форме оно присутствует в основаниях экспертных практик и стимулирует развитие науки.

Отметим, что в специальной экспертной литературе уже предпринимаются попытки осмысления феномена «экспертное знание». «Смысл введения такого определения, — полагает С. Л. Коваль, — состоит в том, что научное знание не описывает конкретные случаи, но только общеприменимые, обобщенные закономерности функционирования природы, общества, сознания и мышления. В силу этого остается неопределенность в описании знания, получаемого, например, экспертами-криминалистами, врачами многих специальностей, судьями. Их знание признается истинным, достоверным, но “научным” по определению не является» [13, с. 455].

Мы не можем согласиться с последним замечанием С. Л. Ковалья. Однако, на наш взгляд, ему действительно удалось очень ясно выразить мысль о том, что результатом экспертизы является именно знание, которое обладает особыми качественными характеристиками эпистемологического феномена — оно является конкретным, благодаря включению в определенные социогуманитарные контексты. Именно в этом качестве экспертиза становится формой развития науки. Такое знание в русской эпистемологической традиции предлагали оценивать по его достоинству [14, с. 21]. Так, Г. Г. Шпет вслед за Аристотелем (Метафизика. I, 2, 982b 25–27) определяет достойное знание как «общезначимое» [15, с. 358]. Знание достойное — это знание чистое, получаемое не для «пользы», а для расширения наших представлений о мире. «Достоинством определяется главным образом знание *конкретное*. Поэтому достоинство почерпается из уразумения смысла. Знание, направленное на уразумение смысла, есть достойное знание. Оно тем более достойно, чем глубже он проникает в смысл» (цит. по: [16, с. 48]). При этом в экспертизе, включающей в себя оценку знания по его достоинству, важным критерием становится наличие познавательной установки, устремленность науки к знанию как культурно-историческому феномену. Этот ракурс уже не раз акцентировали отечественные эпистемологи. Так, Б. И. Пружинин, подводя итоги дискуссии о «достоинстве знания», заметил: «Возможно, понятие “до-

стоинства знания” и не открывает нам всю суть происходящего в современном познании, но все же почему к нему обратились русские философы, рассуждая о знании? В этом плане важно схватить его смысловое, контекстуальное содержание в связи с эпистемологической проблематикой, которую философы в то время обсуждали, а не просто прояснить сегодняшние контексты его употребления. Очевидно, что понятие “достоинство знания” нагружено социальным смыслом, но ведь Г.Г.Шпет видел в нем и онтологический, и эпистемологический. Если это упустить, мы опять вернемся к ныне господствующей трактовке знания как социального явления, и вместо философского анализа нынешней ситуации будем выяснять, при каких условиях и как ученые договариваются нечто считать знанием» [16, с. 54].

Холмс искал формулу вещества, способного выявлять гемоглобин, в контексте мысленных, но тем не менее вполне реалистических конкретных ситуаций криминальной и судебной экспертизы, и его реальный химический эксперимент был стимулирован потребностями этой экспертизы. Точнее, он был стимулирован (пусть, в данном примере, и мысленно) экспертным знанием о конкретных, порожденных социокультурным контекстом ситуациях. Его химическое открытие было стимулировано конкретным экспертным знанием.

Литература

1. Юдин, Б.Г. (2008), Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы, *Век глобализации*, № 2, с. 146–154.
2. Климова, С.М. (2017), Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы, *Философские науки*, № 4, с. 68–80.
3. Тищенко, П.Д. (2008), Философские основания гуманитарной экспертизы, *Знание. Понимание. Умение*, № 3, с. 198–205.
4. Тульчинский, Г.Л. (2008), Гуманитарная экспертиза как социальная технология, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, № 4 (16), с. 38–52.
5. Туманов, С.В., Оносов, А.А. и Савина, Н.Е. (2017), Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации, *Вестник московского университета, сер. 7: Философия*, № 5, с. 97–112.
6. Черных, А.И. (2010), *Экспертное знание и публичная экспертиза (препринт WP14/2010/05)*, М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.
7. Пружинин, Б.И. (2021), Экспертиза как эпистемологический феномен, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 37 (3), с. 393–402.
8. Тищенко, П.Д. и Юдин, Б.Г. (2007), Философские аспекты биомедицинских исследований, в: *Этическая экспертиза биомедицинских исследований в государствах-участниках СНГ (социальные и культурные аспекты)*, СПб.: Феникс, с. 50–69.
9. Пономарева, Д.В. и Сорокина, Е.М. (2020), Биоэтика и судебная практика Соединенных штатов Америки в области эмбриологических исследований, *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, № 4 (68), с. 97–107.
10. Рыжова, А.А. (2017), Статус эмбриона в решении апелляционного суда Нью-Йорка по делу «Касс против Касс», *Наука. Общество. Государство*, № 3 (19). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_aa_17_3_13.pdf (дата обращения: 15.07.2022).
11. Summers, K. (2000), *Kass v. Kass, Blazing Legal Trails in the Field of Human Reproductive Technology*, *Cleveland State Law Review*, vol. 48 (3), pp. 637–651. URL: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1457&context=clevstlrev> (дата обращения: 15.07.2022).
12. Звягина, Ж. (2021), Понятие «научная экспертиза» предложили закрепить законодательно, *Парламентская газета*, 26 августа. URL: <https://www.pnp.ru/economics/ponyatie-nauchnaya-ekspertiza-predlozhili-zakreplit-zakonodatelno.html> (дата обращения: 15.07.2022).
13. Коваль, С.Л. (2017), Эксперт против ученого. Когнитивные особенности получения знания экспертом, в: *Когнитивные исследования на современном этапе (КИСЭ-2017)*. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/117767> (дата обращения: 15.07.2022).

14. Щедрина, Т. Г. и Пружинин, Б. И. (2020), «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии, *Вопросы философии*, № 1, с. 19–27.
15. Шпет, Г. Г. (2006), *Мудрость или разум?*, в: Шпет, Г. Г., *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды*, М.: РОССПЭН, с. 311–365.
16. Пружинин, Б. И., Автономова, Н. С., Бажанов, В. А., Грифцова, И. Н., Касавин, И. Т., Лекторский, В. А., Махлин, В. Л., Микешина, Л. А., Ольхов, П. А., Порус, В. Н., Сорина, Г. В., Филатов, В. П. и Щедрина, Т. Г. (2016), «Достоинство знания как проблема современной эпистемологии». Материалы «круглого стола», *Вопросы философии*, № 8, с. 20–56.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2022 г.;
рекомендована к печати 5 июля 2022 г.

Контактная информация:

Пружинин Борис Исаевич — д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр.; prubor@mail.ru
Ветров Владимир Андреевич — науч. сотр., лаборант; vetrov21v10@gmail.com

Expertise as a form of development of science: Fundamental vs applied*

B. I. Pruzhinin^{1,2}, *V. A. Vetrov*^{1,3}

¹ Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality,
70A, pr. Mira, Moscow, 129110, Russian Federation

² Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

³ State Academic University for the Humanities,
26, Maronovskiy per., Moscow, 119049, Russian Federation

For citation: Pruzhinin B. I., Vetrov V. A. Expertise as a form of development of science: Fundamental vs applied. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 534–546. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.408> (In Russian)

The article discusses the epistemological functions of expertise in modern science and substantiates the thesis that the emergence of expert knowledge is associated with the transformations of science (its technization, digitalization and application) and the anthropological crisis of the 20th–21st centuries. The authors believe that due to expert assessments, the target settings that are present in specific scientific research programs are explicated — both cognitive ones and focused primarily on solving various kinds of socially significant practical problems. Thus, the examination, in fact, opens up opportunities for clarifying the most effective ratio of fundamental and applied research settings in a particular cognitive activity. The authors demonstrate that expert activity allows scientists to consciously (with appeals to the semantic content of specific research projects) and, thus, more adequately (taking into account applied problems) assess the epistemological prospects of certain areas of research and thereby contribute to the expansion of the scope of scientific knowledge, development science as a cultural and historical phenomenon. To concretize the reasoning, the authors focus on how the implementation of the cognitive functions of expertise in science takes place and appeal to the legal precedent (the Kass vs. Kass process), which has become one of the models for resolving disputes in the field of biomedical research of objects with an unstable subject, ethical and legal status (cryopreserved embryos). Particular attention is paid to the fundamental predictive functions of expert knowledge, which

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation no. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

has dignity, i. e. taking into account socio-political and existential-humanitarian restrictions, on the one hand, and contributing to the expansion of the scientific horizon, on the other.

Keywords: expertise, peer review, science, applied research, basic research, bioethics, biomedical expertise.

References

1. Yudin, B. G. (2008), Technoscience, Human, Society: the Relevance of Humanitarian Expertise, *Vek globalizatsii*, no. 2, pp. 146–154. (In Russian)
2. Klimova, S. M. (2017), Humanitarian expertise and expert community: problem statement, *Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 68–80. (In Russian)
3. Tishchenko, P. D. (2008), Philosophical foundations of humanitarian expertise, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 198–205. (In Russian)
4. Tulchinsky, G. L. (2008), Humanitarian Expertise as a Social Technology, *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, no. 4 (16), pp. 38–52. (In Russian)
5. Tumanov, S. V., Onosov, A. A. and Savina, N. E. (2017), Humanitarian expertise: theoretical approaches and practices of their implementation, *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, no. 5, pp. 97–112. (In Russian)
6. Chernykh, A. I. (2010), Expert knowledge and public examination (preprint WP14 / 2010/05), Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
7. Pruzhinin, B. I. (2021), Expert examination as an epistemological phenomenon, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, iss. 3, pp. 393–402. (In Russian)
8. Tishchenko, P. D. and Yudin, B. G. (2007), Philosophical Aspects of Biomedical Research, in: *Eticheskaya ekspertiza biomeditsinskikh issledovaniy v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG (sotsial'nye i kul'turnye aspekty)*, CIS Ethics Committee Forum, St Petersburg: Feniks Publ., pp. 50–69. (In Russian)
9. Ponomareva, D. V. and Sorokina, E. M. (2020), Bioethics and Judicial Practice of the United States of America in the Field of Embryological Research, *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, no. 4 (68), pp. 97–107. (In Russian)
10. Ryzhova, A. A. (2017), The Status of the Embryo in the Decision of the New York Court of Appeal in *Cass v. Cass*, *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, no. 3 (19). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_aa_17_3_13.pdf (accessed: 07.15.2022). (In Russian)
11. Summers, K. (2000), *Cass v. Kass*, Blazing Legal Trails in the Field of Human Reproductive Technology, *Cleveland State Law Review*, vol. 48 (3), pp. 637–651. Available at: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1457&context=clevstlrev> (accessed: 15.07.2022).
12. Zvyagina, Zh. (2021), The concept of 'scientific expertise' was proposed to be enshrined in law, *Parlament'skaya gazeta*, 26, August. Available at: <https://www.pnp.ru/economics/ponyatie-nauchnaya-ekspertiza-predlozhili-zakreplit-zakonodatelno.html> (accessed: 15.07.2022). (In Russian)
13. Koval, S. L. (2017), Expert vs Scientist. Cognitive aspects of obtaining knowledge by the expert, in: *Kognitivnye issledovaniia na sovremennom etape (KISE-2017)*. Available at: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/117767> (accessed: 15.07.2022). (In Russian)
14. Shchedrina, T. G. and Pruzhinin, B. I. (2020), 'Back to Aristotle': the Dignity of Knowledge as a Problem of Epistemology, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 19–27. (In Russian)
15. Shpet, G. G. (2006) *Wisdom or Reason*, in: Shpet, G. G., *Philosophia Natalis. Selected psychological and pedagogical works*, Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 311–365. (In Russian)
16. Pruzhinin, B. I., Avtonomova, N. S., Bazhanov, V. A., Griftsova, I. N., Kasavin, I. T., Lektorskii, V. A., Makhlin, V. L., Mikeshina, L. A., Olkhov, P. A., Porus, V. N., Sorina, G. V., Filatov, V. P. and Shchedrina, T. G. (2016), 'The Dignity of Knowledge as a Problem of Modern Epistemology'. Materials of the round table, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 20–56. (In Russian)

Received: May 10, 2022

Accepted: July 5, 2022

Authors' information:

Boris I. Pruzhinin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor, Principal Research Fellow; prubor@mail.ru

Vladimir A. Vetrov — Research Fellow, Assistant; vetrov21v10@gmail.com